

Дискурсы о чудесном в современной культуре

Учение Иоанна Кассиана Римлянина о первородном грехе и спасении в контексте богословских споров V века

Артур Романович Антонян

к.ф.н., ст. преподаватель Института философии и социально-политических наук
Южного федерального университета
antonian@sfedu.ru

Аннотация: В статье рассматривается учение о первородном грехе и спасении марсельского аббата Иоанна Кассиана Римлянина в контексте споров о свободе воли и предопределении, разгоревшихся на западе в начале V века между епископом города Гиппона Аврелием Августином и британским аскетом Пелагием. Проведен сравнительный анализ богословских построений Августина и Кассиана. Автор исследования показывает, что концепции Иоанна Кассиана, которые он противопоставил учению Августина о рабстве воли и предопределении, сформировались под влиянием восточно-христианской аскетической традиции и поэтому не должны рассматриваться в контексте пелагианского спора. Ошибочная оценка богословского наследия Кассиана в среде западных авторов породила уверенность, что его сoterиологические идеи являются не чем иным, как своеобразным продолжением пелагианского учения.

Ключевые слова: доктрина предопределения, спасение, провидение, свобода воли, пелагианская полемика.

The doctrine of John Cassian the Rome on original sin and salvation in the context of theological disputes of the V century

Artur Romanovich Antonyan

Ph.D, Southern Federal University, Institute of Philosophy and
Socio-Political Sciences, Senior Lecturer
antonian@sfedu.ru

Abstract: This article examines the doctrine of the salvation of St. John Cassian. The theological analysis of its soteriology is carried out. Also in this article some elements theology of Aurelius Augustine are considered. A comparative analysis of the theological constructions of Augustine and Cassian is carried out. It is shown that the theology of John Cassian is not semi-Pelagian.

Keywords: predestination, fate, providence, free will, the Pelagian doctrine.

© А.Р. Антонян (Ростов-на-Дону). antonian@sfedu.ru. Южный федеральный университет. Южный Полюс 12 (2) (2024) DOI: 10.18522/2415-8682-2024-12-5-9

Родоначальником учения о первородном грехе в истории западного богословия считается блаженный Августин епископ города Гиппона. Августинианская доктрина первородного греха и вытекающая из нее своеобразная концепция спасения уже в кругу современников Гиппонского епископа получила неоднозначную оценку. Пессимистичный взгляд на природу человека и его способности в деле духовно-нравственного совершенствования, к которому Августин пришел в поздний период своего творчества, вызвал негодование в среде монахов североафриканских и южно-галльских монастырей.

Как известно, одним из противников «богословских крайностей» Августина был марсельский аббат Иоанн Кассиан Римлянин.

Позднее интеллектуальное творчество Августина формировалось в контексте полемики с концепциями «антропологического оптимизма» британского аскета Пелагия. Пелагий выступил с жесткой критикой учения Августина о первородном грехе, объявив это учение личной и притом зловредной выдумкой своего оппонента, не имеющей никакого объективного отношения к христианству [1, с. 17-18]. Перед Августином стояла сложная задача – библейски обосновать и логически оправдать сформулированные им концепции спасения. Можно с полной уверенностью сказать, что учение Августина о человеке и его посмертной участи приобрело свой окончательно выкристаллизованный вид именно в результате пелагианской дискуссии.

Как известно, августинианская концепция тотальной поврежденности человеческой природы, т.е. утверждение о полном порабощении человека греху, исключала всякую возможность самостоятельного аскетического делания. Августин в своих многочисленных трактатах и письмах неустанно увещевает читающих: «С тех пор как в раю наша природа согрешила (*natura nostra peccavit*), промыслом Божиим мы образуемся вследствие смертного рождения (*mortali generatione*) не по небу, но по земле, то есть не по духу, но по плоти. Все мы сделались одной массой глины, то есть массой греха (*massa peccati*)... греха, мы не подлежим ничему иному, кроме вечного осуждения (*aeterna damnatio*)» [2, с. 145]. Благие решения и поступки человека, которые условно можно назвать христианскими добродетелями, по мнению Гиппонского епископа, не могут быть результатом личных аскетических усилий, но являются внешним проявлением божественной благодати, которой предварительно был озарен подвижник. Сам по себе человек у Августина представляется существом до крайности немощным, нуждающимся в божественной помощи.

По мысли Гиппонского епископа, благодать даруется без учета каких-либо предшествующих заслуг со стороны человека, которых и быть не может, если учитывать, что человек в своем естественном состоянии ни на что не способен. Как утверждает Августин, если бы благодать подавалась за какие-то дела, то она была бы не дарованием в буквальном смысле этого слова, но вполне заслуженной наградой.

Примечательным является то, что августинианская модель спасения (озарения божественной благодатью) включает в себя далеко не все человечество. В зрелый период своего епископского служения Августин приходит к убеждению, согласно которому спасение человека совершается через божественное избрание. Другими словами, Бог избирает для спасения определенное число людей (*numerus praedestinatorum*), которым и ниспосылается дар спасающей благодати. Сам же человек в деле своего духовного становления никак не участвует. Как уже было сказано, первородный грех, который, по мнению Августина, довлеет над всем человечеством, полностью обессиливает человека, т.е. лишает людей возможности самостоятельно стремиться к добродетели и в итоге наследовать вечное спасение [3, с. 323].

Вполне естественно, что такая сотериологическая модель, в которой человек предстает существом совершенно пассивным, не могла быть благодушно принята людьми, сосредоточившими всю свою жизнь на строгой аскезе и полагавшими, что их подвижническая деятельность в дальнейшем будет иметь значение при определении вечной участи за порогом смерти. Именно поэтому учение о довлеющей роли божественной благодати в деле спасения человека, в котором человеческие заслуги не играют вообще никакой роли, было негативно воспринято монахами некоторых монастырей [4, с. 20]. Та концепция спасения, которую Августин противопоставил учению Пелагия, неминуемо ставила под сомнение целесообразность монашеского делания. Действительно, строгая аскетическая практика в августинианских концепциях выглядела логически неоправданной.

Если спасение определенной группы избранных зависит исключительно от Бога, и человек никак не может повлиять на предвечное божественное избрание, то какой смысл посвящать себя подвигу монашеской жизни? Именно с таким вопросом обратился к Августину в своем письме настоятель североафриканского монастыря Валентин Адруметский [5, с. 207-208]. Автор письма сообщает, что некоторые трактаты всеми уважаемого Гиппонского епископа вызвали бурю негодования и недоумения среди монастырской братии, и поэтому они почтительно просят блаженного учителя объяснить изложенную им богословскую позицию яснее. Ответом на вопросы и недоумения монахов стали трактаты Августина «О даре пребывания» и «О предопределении святых», где автор особо подчеркивает, что не только возможность уверовать, но и само последующее пребывание в вере, зависит исключительно от божественной благодати, укрепляющей и поддерживающей немощного подвижника.

Первым человеком, который выступил с конструктивной критикой августинианского учения о первородном грехе и вытекающей из него пессимистичной концепции спасения, был Иоанн Кассиан Римлянин. Этот человек, до прибытия в Галлию, долгое время проживал в восточной части империи, где и познакомился со строгой аскетической жизнью монахов Палестины и Египта. Как известно, Кассиан, прибыв после длительного путешествия по Востоку, прибывает в Галлию и основывает здесь две монашеские обители, обустроивая их жизнь по подобию восточно-христианской традиции. Фундаментальные трактаты Кассиана «О правилах общежительных монастырей» и «Собеседования», появившиеся после прибытия на Запад, являются не чем иным, как комплексом наставлений иноков восточных монашеских поселений, которые он сначала усвоил в устной форме, а впоследствии письменно зафиксировал.

Придерживаясь в своих трактатах восточно-христианского образа мысли, Кассиан, при формулировании концепции спасения, делает сугубый акцент на личном духовном совершенствовании человека [6, с. 163]. Не отрицая августиновского учения о первородном грехе и исключительной сотериологической роли божественной благодати, марсельский аббат все же настаивает на том, что от человеческих усилий тоже многое зависит. Критика учения Августина ярче всего просматривается в знаменитом 13-м собеседовании Кассиана, которое носит название «О покровительстве Божиим» (*De protectione Dei*). Кассиан, не называя своего оппонента по имени, пытается показать, что пессимистичный настрой относительно способностей человека может привести к негативным последствиям, т.е. к духовной апатии.

Сотериология Кассиана представляет собой путь спасения, где в равной степени важны и божественная помощь, и личное человеческое усилие: «Будем помнить, что в деле спасения нашего участвует и благодать Божия и свободное произволение наше...» [6, с. 408]. По мнению марсельского аббата, дар божественной благодати подается не безусловно, как полагал Августин, но ниспосылается в качестве отклика Бога на благие устремления человека: «Бог, если заметит в нашем сердце хоть искру расположения к добру, по благосердию Своему не дает ей угаснуть; но желая, чтобы все спаслись и в разум истины пришли, всячески способствует к тому, чтобы она обратилась в пламя...» [6, с. 406].

Несомненно, взгляд Кассиана на человека и его духовные возможности куда более оптимистичный, нежели у Августина. Как уже было сказано ранее, Гиппонский епископ отрицал наличие в человеке даже малейшей способности устремления к добру. Кассиан же уверен, что человек, будучи образом Божиим, даже в поврежденном состоянии сохраняет за собой способность желать добра и избирать благо, хотя само осуществление добродетели зависит от божественной помощи.

Кассиану также является чуждой концепция Августина о божественном избрании по предопределению. Марсельский аббат уверен, что Бог предлагает свое спасение всем. Спасаются же далеко не все именно потому, что некоторые не желают откликнуться на божественный призыв. В качестве аргумента автор аскетических трактатов приводит

цитаты из Библии, в которых, по его мнению, ясно выражено желание Бога призвать к спасению каждого человека. После приведенных библейских цитат, Кассиан вопрошает: «Итак, если Бог не желает, чтобы погиб один из малых сих (Мф. 18:14), то не богохульно ли думать, что Он хочет спасения только некоторым, а не всем?» [Там же].

Следует отметить, что учение Кассиана о спасении не является продолжением пелагианских идей, как полагал последователь Августина Проспер Аквитанский, усматривая в доктринах марсельского аббата «дух пелагианского нечестия» [7, с. 300]. Кассианова концепция синергизма – сотворчества божественной благодати и человеческой воли, была выражением восточно-христианского учения о спасении, с которым автор аскетических произведений близко познакомился, путешествуя по монастырям Палестины и Египта. Эта концепция в равной степени далека как от августицизма, так и от пелагианства [8, с. 402-403]. Будучи самодостаточной, она не может быть помещена в контекст пелагианского спора и рассматриваться как своеобразный вариант пелагианской ереси, т.е. полупелагианство. Но, к сожалению, именно с этим наименованием – полупелагианство, богословие Иоанна Кассиана вошло в историю западно-христианской мысли.

Лишь в XX веке на западе появляются авторы [9, 10], которые подвергают ревизии ранее устоявшиеся богословские клише, усматривая в аскетических доктринах марсельского аббата вполне самостоятельную вероучительную систему, свободную от пелагианского влияния. Примечательно, что на христианском Востоке, который к «богословским крайностям» Августина всегда относился с определенной долей осторожности, аскетическое наследие Кассиана никогда не считалось продолжением пелагианских идей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян А. Р. Учение о предопределении в истории западнохристианской мысли. Ростов-на-Дону. 2022. 168 с.
2. Августин Блаженный. О восьмидесяти трех различных вопросах // Трактаты о различных вопросах: богословие, экзегетика, этика: [сб. пер. с лат. яз.]. М. 2005. С. 41-202.
3. Августин Блаженный. О предопределении святых // Августин Блаженный. Антипелагианские сочинения позднего периода. М. 2008. С. 321-380.
4. Уивер Р. Х. Божественная благодать и человеческое действие: исследование полупелагианских споров. М. 2006. 336 с.
5. Валентин Адруметский. Письмо Августину (среди писем Августина 216-е) // Августин Блаженный. Антипелагианские сочинения позднего периода. М. 2008. С. 207-214.
6. Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. М. 1993. 652 с.
7. Проспер Аквитанский. Письмо Августину (Среди писем Августина 225-е) // Августин Блаженный. Антипелагианские сочинения позднего периода. М. 2008. С. 299-309.
8. Антонян А. Р. Антропологические концепции Пелагия и Иоанна Кассиана Римлянина // Вопросы теологии. 2022. Т. 4. № 3. С. 398-407.
9. Casiday A. M. C. Tradition and Theology in St John Cassian. Oxford; N.Y., Oxford University Press, 2007. (Oxford Early Christian Studies). 303 p.
10. Columba S. Cassian the Monk. Oxford Studies in Historical Theology. Oxford University Press Inc., New York. 1998. 286 p.

REFERENCES

1. Antonyan A. R. Uchenie o predopredelenii v istorii zapadnohristianskoj mysli [The doctrine of predestination in the history of Western Christian thought]. Rostov-on-Don. 2022. 168 p. (In Russian)
2. Aurelius Augustinus. O vos'midesyati treh razlichnyh voprosah [On Eighty-Three Miscellaneous Questions]. In: Traktaty o razlichnyh voprosah: bogoslovie, ekzegetika, etika [Treatises on Miscellaneous Questions: Theology, Exegetics, Ethics: collection of translations from Latin]. Moscow. 2005. P. 41-202. (In Russian)
3. Aurelius Augustinus. O predopredelenii svyatyh [On the predestination of the saints]. In: Aurelius Augustinus. Antipelagijskie sochineniya pozdnego perioda [Antipelagian writings of the late period]. Moscow. 2008. P. 321-380. (In Russian)
4. Uiver R. H. Bozhestvennaya blagodat' i chelovecheskoe dejstvie: issledovanie polupelagijskih sporov. [Divine Grace and Human Agency. A Study of the Semi-Pelagian Controversy]. Moscow. 2006. 336 p. (In Russian)
5. Valentin Adrumetskij. Pis'mo Avgustinu (sredi pisem Avgustina 216-e) [Letter to Augustine (among Augustine's letters 216th)]. In: Aurelius Augustinus. Antipelagijskie sochineniya pozdnego perioda [Antipelagian writings of the late period]. Moscow. 2008. P. 207–214. (In Russian)
6. Ioann Kassian Rimljanin. Pisaniya [Writings]. – Moscow. 1993. 652 p. (In Russian)
7. Prosper Akvitanskij. Pis'mo Avgustinu (Sredi pisem Avgustina 225-e) [Letter to Augustine (Among Augustine's letters, the 225th)]. In: Aurelius Augustinus. Antipelagijskie sochineniya pozdnego perioda [Antipelagian writings of the later period]. Moscow. 2008. P. 299-309. (In Russian)
8. Antonyan A. R. Antropologicheskie koncepcii Pelagiya i Ioanna Kassiana Rimljanina [Anthropological concepts of Pelagius and John Cassian of Rome]. In: Voprosy teologii [Issues of Theology]. 2022. V. 4. No. 3. P. 398–407. (In Russian)
9. Casiday A. M. C. Tradition and Theology in St John Cassian. Oxford; N.Y., Oxford University Press, 2007. 303 p.
10. Columba S. Cassian the Monk. Oxford Studies in Historical Theology. Oxford University Press Inc., New York. 1998. 286 p.